

Неделя, 1963 № 31, Завт.

ТО такое «Ленинградская поэма»? Прославленная музыка Дмитрия Шостаковича? Да. Строгая, героически суровая хореография Игоря Бельского? Конечно. Но есть у спектакля еще один создатель — новосибирский балет. «Ленинградская поэма» в его понятии коллективным прочтением — не просто талантливо услышанная и увиденная музыка, не просто тщательно выполненные памерения постановщика. Здесь есть нечто большее — живое сердце всех участников. От безоблачного начала, от трагедийных картин нашествия до высокой и мужественной скорби финала — во всем здесь звучит глубокая личная нота. Идея спектакля впервые получила столь страстное, столь человеческое и потому столь убедительное выражение.

Жажда нового, чуткое усвоение всего передового, рождаемого советской хореографией, — вот что определяет сегодня жизнь балета Новосибирска.

После сочинения Бельского тоже шел балет на музыку Шостаковича — «Барышня и хулиган». И не в том только дело, что на сей раз Константин Боярский показал работу необычную, по-своему решая поставленную нашими днями проблему — «Маяковский в балете»; что Валерий Доррер нашел характерный облик спектакля. Дело опять-таки в том общем «колорите увлеченности», каким отмечены все эпизоды.

Пожалуй, сибиряки — самая открытая трунна в отношении к хореографическим спектаклям. Сознательно или неосознанно, это сказывалось на всем ходе их июльских гастролей в Москве.

Слов нет, подобная юпопеская прямота и непосредственность не всегда хороши. Каким бы ни был спектакль, раз он выключен в репертуар, его следует показывать на достойном уровне. Но кто же не знает, что восемнадцать лет — возраст упрямый и трудный. На открытии гастролей «Корсар», например, не стал торжеством театра, и о действительных возможностях коллектива по этому спектаклю нельзя было судить.

Но именно просчеты еще сильнее, как доказательство «от противного», обнаружили подлинные творческие особенности коллектива.

Все эклектичное, незавершенное, нечеткое по режиссерской и хореографической мысли отвергается, причем отвергается «явочным порядком» — на сцене. Все содержательное, смелое, самобытное благодарно принимается. Вот отчего правильно поступил коллектив, показав в Москве оба балета Юрия Григоровича. Яркость воображения, неизменная реалистичность выразительных средств в соединении с отточенной стилистикой, убежденная последовательность — та-

Сцена из балета «Барышня и хулиган». Барышня — Н. Д. Александрова, хулиган — С. В. Савков.

Фото Ю. Зенковича.

КОГДА БАЛЕТУ ВОСЕМНАДЦАТЬ

ковы «Каменный цветок» и «Легенда о любви».

Знакомясь с новосибирским балетом, мы узнали, что театр считает близким себе, чего добивается, к чему стремится. Мы увидели, на каком именно материале растут исполнители. А их много — разных, но настоящему одаренных, многообещающих.

Когда-то Москва приветствовала молодых Т. Зинину и Л. Крупенину — ныне мастеров, активно участвовавших в гастролях. Сегодня зритель впервые встретился с юными звездами театра.

Маргарита Окатова, Никита Долгушин, Константин Бруднов — трем таким исполнителям позанимает не одна труппа.

М. Окатова — балерина необычная. Талант ее безудержен и своеволен. Она рассказывает современникам о современности в «Ленинградской поэ-

ме», и вы уносите с собой не только ее патетические монологи, но и гневный вопрошающий жест рук и зовущий к возмездию и свету взгляд, заискивающий спектакль. А через несколько минут вы видите Окатону в вызывающей и юмористической партии Дивы в «Барышне и хулигане» и улыбаетесь не только из-за комедийности положений, но прежде всего потому, что открыли для себя такую сильную индивидуальность.

Н. Долгушин, чье творчество исполнено интеллекта, чье чувство стиля уже сегодня отличается точностью, чей почерк, где бы он ни танцевал — в «Корсаре» или «Легенде», в «Щелкунчике» или «Лебедином озере», — отмечен академической правильностью, преданностью лучшим исполнительским традициям русского

балета, совсем не похож на Константина Бруднова.

Стихийная танцевальная одаренность, раскованный, вольно проявляемый сценический темперамент, неуверенность пластики Бруднова позволяют надеяться, что со временем он разовьется в большого мастера.

Можно было бы говорить и о Г. Рыхлове в партии Визиря, о С. Савкове в роли Хулигана, Н. Александровой — Катерине в «Каменном цветке» и Барышне («Барышня и хулиган»), И. Чичковой — Айше в «Семи красавицах». Каждое из этих или других, не названных здесь имен подтверждает далеко не исчерпанные возможности коллектива.

Возможности эти действительно велики. Вот почему к коллективу и подходить с требованиями самыми серьезными. Любое достоинство нынешних гастролей говорит о жизнеспособности и своеобразии этого театра. Недаром именно здесь так успешно растет молодой балетмейстер О. Вишгородов — автор абсолютно нового, логически продуманного, танцевально насыщенного решения первого действия «Лебединого озера» и танцев в финале «Семи красавиц» (этот популярный балет Кара Караева москвичи увидели в новой хореографической редакции главного балетмейстера театра, известного советского хореографа, воспитателя балетной молодежи П. А. Гусева и в новом блистательном оформлении С. Б. Вирсаладзе).

И также недаром в гастролях так полно и удачно представляла хореог-

рафическая школа, руководимая замечательным балетмейстером-режиссером Новосибирского театра Н. М. Улановой.

Дело не только в том, что участие школы придавало всем спектаклям совершенно особое очарование. Еще важнее та дисциплинированность, хороший вкус, которые обнаружили воспитанники школы — этот «запущенный» творческий состав новосибирского балета.

Его выступления в Москве поучительны и отрады. Радостям этого балетного театра радуешься, его тревогами тревожишься, в его будущее веришь: ведь балет талантлив и ему всего восемнадцать лет.

Е. ЛУЦКАЯ.